

УЕЗДНЫЕ ГЕРБОВНИКИ И ПЕРВЫЕ ДВОРЯНСКИЕ РОДОСЛОВНЫЕ КНИГИ БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЙ КОНЦА XVIII - НАЧАЛА XIX В.

На землях, присоединенных к Российской империи по I разделу Речи Посполитой 1772 г., были образованы две губернии: Псковская (с центром в г. Опочке) и Могилёвская. Но это новое административное деление оказалось слишком искусственным, поэтому вскоре из Псковской губернии было выделено Полоцкое наместничество (11 уездов); а в 1781 г. была преобразована в наместничество (в составе 12 уездов) Могилёвская губерния. В 1796–1802 гг. оба этих наместничества были объединены в Белорусскую губернию (в составе 16 уездов). 27 февраля 1802 г. Белорусская губерния была разделена на две губернии – Могилёвскую и Витебскую губернии.

Кроме того, после II (1793 г.) и III (1795 г.) разделов Речи Посполитой на территории центральной и западной Белоруссии и Литвы также были образованы новые административные структуры. Была основана Минская (1793 г.), а также Слонимская и Виленская губернии (1795 г.). Две последних через два года были объединены в Литовскую губернию (6.02.1797); но 9 сентября 1801 г. она была снова разделена на две губернии: Литовско-Виленскую (с 1840 г. – просто Виленская губерния, из которой в 1843 г. была выделена Ковенская губерния) и Слонимскую; последняя уже год спустя (28.08.1802) была переименована в Гродненскую. В 1807–1843 гг., в качестве отдельной административной единицы существовал Белостокский округ, затем также присоединённый к Гродненской губернии. И, наконец, в том же 1843 г. из западных (преимущественно литовских по населению) уездов Виленской губернии была образована отдельная губерния – Ковенская.

Гарантируя населению вновь присоединенных территорий сохранение сословных прав и привилегий, полученных от прежних литовских и польских монархов, русское правительство должно было чётко установить сословную принадлежность всех местных жителей. Это было особенно важно в отношении шляхты, привилегированной группы населения, уравненной в правах с русским дворянством, и, соответственно, освобожденной от подушного оклада.

Проблема состояла в том, что в Речи Посполитой отсутствовал какой-либо официальный орган, аналогичный российской Герольдии и уполномоченный вести списки дворян. Принадлежность к шляхте определялась традиционно; шляхтич являлся таковым по праву рождения и его принадлежность к сословию могла быть оспорена только через суд (если обвинение в самозванстве подтверждалось, частный обвинитель получал имущество обвиняемого, которого ожидало суровое наказание). В каждом по-

вете существовала собственная шляхетская самоуправляемая корпорация. Шляхта повета, собираясь на сеймик, решала многие вопросы местной жизни, выбирала кандидатов на судебные и другие административные должности (утверждаемых затем королем), депутатов сейма, судей верховного суда (на землях Великого княжества Литовского это было Главный Литовский Трибунал; аналогичный выборный орган действовал на коронных землях – собственно польских и украинских). Но наряду с «оседлой» шляхтой, т. е. владельцами населенных имений, существовало и большое число малоземельных и безземельных шляхтичей. Многие неимущие представители благородного сословия арендовали землю в чужих имениях, некоторые переселялись в города, находились в услужении крупных феодалов, служили в их частных военных отрядах («мили-циях»). Но формально все они принадлежали к одному сословию и пользовались равными сословными правами (по старой польской поговорке, которую мелкая шляхта охотно повторяла, «шляхтич на огороде равен воеводе»), и первоначально русское правительство, избегая конфликтов, не предпринимало попыток ущемления прав мелкой шляхты.

С целью учета лиц, имеющих право на дворянское звание, была принята попытка одновременно собрать сведения о составе шляхетских родов и семей и доказательства их шляхетского происхождения.

Еще 14 июля 1773 г. могилёвский генерал-губернатор Михаил Васильевич Каховский (Коховский) (кстати, смоленский дворянин, потомок польского рода герба Нечуя, оказавшегося в русском подданстве после капитуляции Смоленска в 1654 г) издал универсал, согласно которому все лица, причислявшие себя к шляхте, должны были предъявить свои гербы и к ним приложить родословные и соответствующие документы. Хотя, по всей вероятности, это требование выполнили не все шляхтичи, но видимо большинство поторопилось подтвердить свой привилегированный статус.

Эти события происходили за 12 лет до издания Екатериной II «Жалованной грамоты дворянству», т.е. до создания губернских (наместнических) дворянских собраний. Поэтому, в соответствии с местной традицией, органами, полномочными рассматривать доказательства дворянства, стали земские суды, сохранные (в несколько измененном виде) в новых наместничествах.

В судах материалы, представляемые шляхтой и рассматриваемые земскими судами, после завершения их рассмотрения были переплетены. Так возникли генеалогические сборники, которые, в соответствии с польско-литовской традицией, впоследствии получили название «гербовников» («herbarze»).

В результате распоряжения Каховского возник, в частности, так называемый «Оршанский гербовник». В 1900 г. известный белорусский историком Д.И. Довгялло опубликовал этот гербовник в т. XXVIII «Историко-юридических материалов, извлечённых из актовых книг губерний Витебской и Могилёвской, хранящихся в Центральном витебском архиве» [4]. На отдельных листах помещены родословные схемы с рисунками гербов и краткими заметками, очевидно, полностью повторяющими данные источ-

ника. К сожалению, эта публикация недостаточно передает особенности данного памятника. Прежде всего, издатель изменил структуру сборника, расположив материал в алфавитном порядке (это, впрочем, облегчает пользование изданием). Кроме того, вместо подлинных рисунков гербов в издании помещены рисунки, повторяющие иллюстрации из опубликованного в начале XX в. многотомного польского гербовника А. Бонецкого. Очевидно, это диктовалось соображениями чисто экономическими (заказывать новые рисунки и клише было бы слишком дорого). Тем не менее, в результате не так уж редко рисунок, приложенный к родословной, не соответствует помещенному подлинному описанию. При этом на этих рисунках недостаточно учитываются многочисленные «разночтения», т.е. «одманы», варианты польских гербов, присутствующие на данной территории, иногда отмеченные в описаниях, иногда заметные только на оригинальном изображении герба. Так, например, герб семьи Борейша-Олехновичей назван «Радвич»; но подобный герб не существует; есть герб Равич (в золотом поле девушка на медведе) и герб Радзиц (якорь и две звезды); а на рисунке изображен герб Любич, что соответствует описанию: «в голубом поле подкова, на вершине которой и в середине кресты, над короной три страусовых пера» [4. № 10] и т. д.

Иногда эти разночтения (известные на всей исследуемой территории) - результат недостаточного знания геральдики, простой ошибки; но порой они могут свидетельствовать о бытовании в данной семье собственного варианта, сохраняющего название известного польско-литовского герба, но имеющего собственные характерные отличия.

Документы «Оршанского гербовника» датируются 70-ми гг. XVIII в.

Другим памятником такого рода стал «Витебский гербовник», - «Herbarz szlachty witebskiej», в 1899 г. опубликованный в Кракове польским историком Ф. Пекосиньским [7]. Его полное название - «Wywody szlachty obywatelów prowincji Witebskiej u sądu ziemskiego tejże prowincji okazane u alfabetycznym porządkiem ułożone». В сборнике Пекосиньского генеалогические заметки также расположены по алфавиту, но нам неизвестно, сохраняется ли при этом подлинная структура памятника. В публикации приведены многие подлинные рисунки гербов (хотя наряду с этим часто используются и специально изготовленные иллюстрации, стандартные типы намета).

Изучая приведенные в сборнике тексты и рисунки, можно отметить и здесь уже отмеченные применительно к «Оршанскому гербовнику» любопытные случаи путаницы в определении своего герба, неверные названия гербов. Так, например, семья Сурма, они же Шырма (Surmowie, seu Szyrmowie) заявила, что употребляет герб Любич (Lubicz). Но в гербе Любич, как мы только что говорили, в лазуревом поле изображается подкова и два кавалерских креста (один внутри подковы, второй на ее ребре). Здесь же в лазуревом поле «подкова, пронзенная стрелой» [7. S. 126] (см. рис.), то есть видоизмененный герб Рудница или Настемп (подобный его вариант встречался мне и в коренной Литве). Подобные несовпадения используемых гербов с их «классическими» вариантами отнюдь не ред-

кость, но эти многочисленные варианты все еще изучены довольно слабо и только ожидают своего исследователя.

К сожалению, Пекосинский не приводит сами родословные витебских дворянских родов, ограничиваясь данными о происхождении и представленных семей доказательств, документах. Как можно видеть из самих этих генеалогических заметок, «Витебский гербовник» также составлялся в 1773, 1774 и 1775 гг.; во многих случаях семьи представляли в качестве одного из доказательств дворянства свидетельства шляхты, датированные преимущественно 1773 и 1774 гг.

Как видно из этих публикаций и архивных документов, относящихся к деятельности Витебского, Оршанского и Двинского земских судов 1770-х гг., представленные родословные действительно рассматривались судами (выписи из таких судебных решений впоследствии использовались при доказательстве дворянстве в депутатских собраниях), хотя при таком масштабе работы это рассмотрение в большинстве случаев было скорее формальным. Семья, как правило, представляла родословную схему с рисунком герба (изготовленным домашним художником) и некоторые документы. Ссылки на эти документы имеются в тексте соответствующих заметок (определений). Вот, например, опубликованный в «Витебском гербовнике» текст, относящийся к роду Родзевичей герба Рудница или Настемп (*Rudnica alias Następ*) (см. рис.), предки которых прежде жили в Ошмянском повете, а затем их родоначальник Фердинанд Пульвин Родзевич служил сотником витебской хоругви, «потомство которого до пятого поколения никакими документами не подтверждали. В этой же степени представили вотчинное право на часть имения Казанова 1716, завещание Родзевичевой 1762, в 6-м метрика 1723, 1760, закладное право на имение Голговщизну 1765, в 7-ой и 8-й доказывая степени, из-за недостатка по бедности подлинных документов представили два свидетельства («testimonia») 1774, одно от суда земского Ошмянского с подписями рук самих судей, другое от близких родственников, однофамильных им, также Родзевичей в Ошмянском повете вотчины имеющих», подтверждающие их общее происхождение [7. С. 109]². Таким образом, документы не только изучались, но даже кратко конспектировались. Но затем они сразу же возвращались семье, и в этот период в еще не формировались привычные для нас «дела о дворянстве».

Вероятно, были и случаи отказа в признании дворянства, но если они и фиксировались, то в самих этих сборниках никаких упоминаний о них не имеется. В этот период процесс рассмотрения доказательств был, очевидно, достаточно либеральным. Даже при отсутствии каких-либо документов свидетельство окрестной шляхты, в соответствии с местной традицией, могло считаться достаточным доказательством принадлежности к дворянскому сословию.

Такие сборники, созданные на территории Восточной Белоруссии, являлись фактически первыми родословными книгами, возникшими еще до формального учреждения таких книг на основании «Жалованной грамоты дворянству» Екатерины II.

Следующая группа памятников этого типа, уже официально именуемых родословными книгами (księga genealogiczna), появляется в результате деятельности собственно дворянских собраний соответствующих наместничеств и губерний. В частности, известна такая родословная книга Белорусской губернии конца XVIII – начала XIX в. (хранящаяся в Национальном архиве Белоруссии в Минске), родословные книги, составленные в 1799-1802 гг. и позже не только что присоединенных территориях Минской, Виленской и Гродненской губерний [1; 2; 3] и др. Но эти первые родословные книги, которые сравнительно хорошо сохранились по Минской губернии [2] составляются по тому же типу, что и прежние «гербовники», явившиеся результатом деятельности земских судов. Меняется их юридический статус, но состав и оформление остаются те же. Это такие же родословные схемы, составленные самими заинтересованными лицами, как правило, снабженные гербами, но при этом уже скрепленные («коптоване») подписями губернского предводителя дворянства и некоторых уездных депутатов (иногда вопрос рассматривался последними и в отсутствие предводителя). Более подробная генеалогическая информация содержится не в собственно родословных книгах, а в протоколах дворянских собраний (для которых существуют отдельные книги). Деление родословной книги на части в этот ранний период фактически отсутствует (реально оно появляется в родословных книгах несколько позже, уже после Отечественной войны 1812 г.). Иногда представленные просителями разнокалиберные родословные просто подшиваются в алфавитном порядке; но иногда они переписываются набело, и тогда рисунки гербов на них обычно однотипны (сделаны по шаблону кем-то из сотрудников или чиновников дворянского собрания).

В этот период в делопроизводстве дворянских собраний (deputacji szlacheckich) традиционно применяется польский язык, т.е. язык, привычный и фактически родной для большинства шляхты, даже семей белорусско-литовского происхождения, сохранявших в быту двуязычие³.

Окончательное «упорядочивание» родословных книг литовско-белорусских губерний стало результатом деятельности недоброй памяти Временного Присутствия Герольдии по ревизии дел дворянских собраний (1830-1840-е гг.). При этом, как известно, из родословных книг были исключены очень многие потомки древних благородных родов, по формальным причинам не признанные в российском дворянстве и перечисленные в разряды граждан и однодворцев, а затем – в сословия мещан и крестьян. Впрочем, и после этих преобразований родословные книги некоторых западных губерний сохранили одну особенность: кроме традиционных 6 частей родословной книги в них имелась еще одна, «Особый для татарских родов список», предназначенный для литовско-татарских дворянских родов (в западных губерниях внесение коренных местных дворян татарского происхождения, в подавляющем большинстве мусульман, в особый список, производилось с 1819 г. на основании указа Сената; в конечном итоге эта мера, первоначально рассматривавшаяся как временная, при-

вела к появлению в родословных книгах Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской а также Волынской губерний еще одной, фактически 7-й части; а в результате переселения некоторых литовских татар в иные губернии, такая же часть появилась и в тамошних родословных книгах, например в Орловской губернии) [5].

По законам Российской империи потомки этих лиц сохраняют право вновь представлять доказательства дворянского происхождения и в принципе могут и далее претендовать на восстановление в благородном звании. Но в большинстве случаев по российским законам неодолимым препятствием для этого служит отсутствие доказательств владения крепостными крестьянами. Однако само это требование представляет собой довольно позднее установление (введенное именно с целью значительного сокращения численности безземельного и неимущего польско-литовского дворянства, рассматриваемого правительством как беспокойный и ненадежный социальный элемент). Нельзя не отметить, что это требование, введенное постфактум, и противоречившее законодательству Речи Посполитой, означало лишение значительной части дворянства западных губерний тех сословных прав, которыми они уже пользовались в Российской империи (на основании не только местных традиций и общих привилегий, дарованных дворянству императрицей Екатериной II, но и на основании Высочайших актов, гарантировавших шляхте вновь присоединенных территорий сохранение ее привилегий, например, манифеста Екатерины II 1772 г., в котором «её священным именем и словом...» было обещано, что все «жительствоющие в присоединенных к империи Российской городах и землях будут оставлены при всех тех свободах, которыми они ныне ... пользуются»). По законам Российской империи такое противоречие начальных и более поздних законодательных норм, очевидно, могло бы быть устранено только неким новым Высочайшим указом или аналогичным актом того же ранга.

Но существует и другой аспект этой проблемы. С точки зрения юридической системы старой Речи Посполитой (а с международно-правовой точки зрения польское дворянство существует именно на основании польского сословного права) доказательства шляхетского происхождения, представленные и рассмотренные в XVIII – начале XIX в. поветовыми судами и выборными представителями дворянства тех или иных территорий, являются вполне достаточными для того, чтобы законно пользоваться польским дворянством и соответствующим гербом (даже в том случае, если потомкам данного рода было отказано в утверждении по законам Российской империи). Т. е. законные прямые потомки лиц, внесенных в уездные гербовники и первоначальные (составленные до ревизии) родословные книги литовско-белорусских губерний, должны быть отнесены к исторической дворянской корпорации Речи Посполитой.

Первые провинциальные гербовники и родословные книги литовско-белорусских губерний XVIII – начала XIX в. представляют собой ценные генеалогические памятники, отражающие семейную традицию (позже не-

Герб Хомонто (Хомичи)

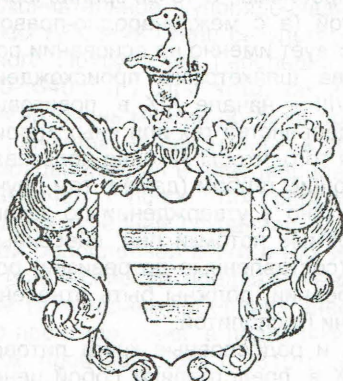
Герб Домброва (Талько)

Герб Гоздава (Пац-Помарнацкие)

Герб Хелм (Аниторновичи)

Герб Корчак (Котовичи)

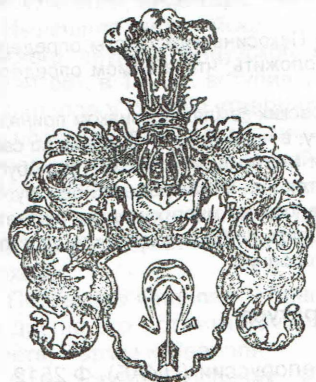
Герб Лабендзь (Дунин-Марцинкевичи)

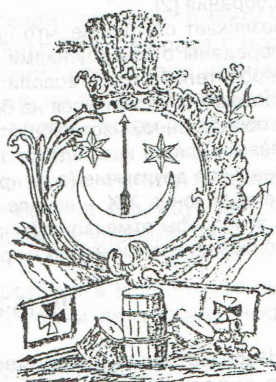
Герб Леварт (Княжица)

Герб Порай (Кошицы)

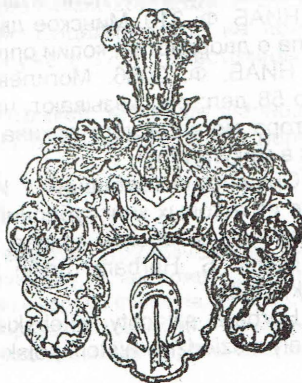
Герб Рудница (Родзевичи и Сабило)

Герб Сас (Бобашинские)

Герб Сципион (Щербинские)

Герб рода Ширма (Сурма)

редко утраченную), факты, сохраненные в родовой памяти (хотя и не подкрепленные документально и всё же требующие проверки). Отсутствие жёстких требований при доказательстве дворянства, теоретически создавшее почву для злоупотреблений, с другой стороны, и не требовало искажения реальной родословной, представления фальшивых имущественных документов (столь часто встречающихся в делопроизводстве дворянских собраний после ревизии 1830–1840 гг.). Таким образом, эти ранние генеалогические сборники, возникшие после разделов Речи Посполитой, зачастую гораздо более представительны и нередко заслуживают большего доверия, чем позднейшие родословные книги, составленные на основе решений Департамента Герольдии Правительствующего Сената.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В Минском дворянском собрании позже, очевидно в первой четверти XIX в., первоначально поданные родословные переписывались набело и оформлялись по единому образцу; при этом заново рисовались и гербы, очевидно, кем-то из чиновников собрания [2].

² Возникает ощущение, что при публикации Пекосинским тексты определений были переданы с сокращениями; трудно предположить, что в самом определении имена просителей отсутствовали.

³ Польский язык считался на белорусско-литовских землях признаком принадлежности к образованной части общества, хотя в быту, в частности, в общении со своими крестьянами шляхта использовала, разумеется, и местный, «тутовой» язык. Реальное двуязычие (а не просто знание в тех или иных пределах белорусского языка) еще в конце XIX – начале XX в. наблюдалось во многих мелких шляхетских семьях; этнографы отмечали обычай в семье говорить по-белорусски («по-простому») и переходить на польский язык в присутствии посторонних.

Источники и литература

1. Национальный исторический архив Белоруссии (НИАБ). Ф.2512. Витебское дворянское депутатское собрание (1130 дел; материалы сохранились только частично; дела о дворянстве отсутствуют).

2. НИАБ. Ф. 319. Минское дворянское собрание (5351 дело, в том числе дела о дворянстве, копии определений; сохранность фонда хорошая).

3. НИАБ. Ф. 2066. Могилёвское дворянское собрание (сохранилось только 58 дел; рассказывают, что в 30-е гг. по распоряжению тогдашнего директора могилёвского архива все дворянские материалы были просто сданы в макулатуру).

4. Оршанский гербовник // Историко-юридические материалы, извлечённые из актов книг губерний Витебской и Могилёвской, хранящихся в Центральном витебском архиве. Витебск, 1900. Т. XXVIII.

5. Dumin S. Herbarz rodzin tatarskich w Wielkim Księstwie Litewskim. Gdańsk, 1999.

6. Herbarz szlachty witebskiej // Piekosiński F. Studya, rozprawy i materyały z dziedziny historii polskiej. Kraków, 1899. Т. 4.